МОХ И ПЕПЕЛ

18+

Алисия Мара

Мох и пепел

«Автор»
2026

Мара А.

Мох и пепел / А. Мара — «Автор», 2026

В глуши Норт-Йоркшира, где торфяники впитывают дождь и секреты, живет Элиас Фоули. Для соседей он — странный, тихий мальчик, сын угрюмого каменщика. Для полиции он — «идеальный подозреваемый». Но для самого Элиаса весь мир — это просто шум, который необходимо настроить.После падения с крыши в детстве мозг Элиаса работает иначе: он лишен эмпатии, но наделен пугающей, математической точностью. В доме, где единственным проявлением любви является насилие отца, а единственным утешением — тишина болот, разум Элиаса начинает искать собственный порядок.

© Мара А., 2026
© Автор, 2026

Алисия Мара
Мох и пепел

Название: Мох и Пепел (Moss and Ash)
Жанр: Психологическая драма, триллер, нуар.
Место действия: Норт-Йоркшир, Англия. Затопленные торфяники, заброшенные вересковые пустоши, деревня, отрезанная от мира приливами.

———

Часть I

(В этой части нет сцен прямого физического насилия над людьми. Акцент сделан на психологическое давление, сенсорную депривацию и искаженное восприятие реальности).

Глава 1: Дом из мокрого камня

В Норт-Йоркшире дождь — это не погода, это состояние материи. Он не падает с неба, он просто *есть*, пропитывая землю, одежду и легкие.

Элиас жил в доме, который стоял на краю торфяника. Дом был старым, сложенным из темного камня, который никогда не просыхал. Внутри пахло плесенью, сырой шерстью и холодным чаем.

Его отец, Артур, был человеком, вытесанным из того же камня, что и их дом. У него были руки, похожие на узловатые корни, и голос, который звучал как скрежет лопаты по гравию. Мать Элиаса умерла, когда ему было четыре, от воспаления легких, которое Артур назвал «слабостью городской девчонки». С тех пор в доме не было смеха. Были только правила.

— Ты — это глина, — говорил Артур, когда Элиас приносил из школы грязные ботинки. — Я леплю из тебя человека.

Элиас не помнил, чтобы его били ремнем или кулаками. Артур был изобретательнее.

Если Элиас оставлял ложку в раковине, Артур заставлял его вычерпывать ледяную воду из затопленного подвала ведром, пока пальцы не синели.

Но самым страшным было молчание. Артур практиковал «Дни Пепла». В такие дни он не произносил ни слова. Он смотрел на Элиаса сквозь очки с толстыми линзами, и его глаза казались пустыми, как выбитые окна. Элиас должен был угадывать желания отца по движению его плеч. Ошибка — и ужин отменялся.

Глава 2: Шепот в височных долях

Элиас был странным ребенком. Не злым, а... тихим. Слишком тихим.

В школе, в соседней деревне, куда его возили на скрипучем автобусе, учителя жаловались: «Элиас смотрит, но не видит. Он слушает, но не слышит».

Проблема была в его голове.

Когда Элиасу было семь, он упал с крыши сарая. Не высоко, но неудачно — затылком о камень. Врачи в Йорке говорили что-то про «посттравматическую энцефалопатию» и «микрокровоизлияния в височных долях». Для Артура это звучало как оправдание лени.

Но для Элиаса мир изменился.

После удара звуки стали другими. Он начал слышать то, чего не слышали другие. Когда муха билась о стекло, для Элиаса это звучало как удар гонга. Когда Артур скрипел стулом, Элиасу казалось, что кто-то пилит кость прямо у него в ухе.

Его мозг, поврежденный от удара, начал строить защиты. Он научился отключаться. Когда отец кричал, Элиас смотрел на лицо Артура, видел, как двигается его челюсть, но звук не проходил. Вместо крика он слышал шум моря.

Для мальчика это был единственный способ не сойти с ума. Он становился прозрачным.

Глава 3: Торфяники

Вересковые пустоши вокруг деревни были коварны. Туман мог опуститься за минуту,скрывая все из виду.

Элиас любил болота. Там не было отца. Там правила устанавливала природа, а она была честной.

Воспоминания

Ему было двенадцать. Артур нашел мокрое пятно на матрасе.
Он не кричал. Он молча достал из сарая моток колючей проволоки.

Элиас спал в ту ночь во дворе, привязанный проволокой. Под ледяным дождём.

У него было странное хобби,о котором отцу было знать не обязательно.Мальчик собирал кости. Не человеческие — бараньи и птичьи,

которые вымывало из торфа. Он складывал их в жестяную коробку из-под печенья.

Однажды он нашел мертвого ягненка,лежачего в кустах.Он не чувствовал жалости. Он чувствовал любопытство.

Вечером, когда Артур ушел в паб, Элиас достал коробку. Он облил кости керосином из лампы и чиркнул спичкой.

Огонь в камине вспыхнул зеленым и синим. Запах паленой шерсти и костного мозга наполнил комнату. Это был первый раз, когда он почувствовал контроль. Огонь делал то, что ему говорили. В отличие от его собственного тела и его отца.

Глава 4:Человек без отражения.

К пятнадцати годам Элиас стал высоким и

нескладным. Его лицо было бледным, из-за чего на фоне темных торфяников он казался призраком.

У него не было друзей. Сверстники чувствовали его «инаковость». Он не реагировал на шутки, не понимал сарказма. Его лицо не выражало эмоций, потому что мышцы лица просто забыли, как это делается — в доме Артура эмоции были запрещены.

Единственным его развлечением было наблюдение.

Он часами мог смотреть на птиц. На то, как они чистят перья, как дерутся из-за червяка. Он изучал их механику.

И начал вести дневник. Но это был не дневник чувств. Это был «Журнал Наблюдений за Объектом А» (Артур).

«08:00. Объект А употребляет яичницу. Движения челюсти: 42 в минуту. Звук: раздражающий. Реакция: игнорирование сохраняет целостность Объекта Б (меня)».

Он начал понимать, что люди — это просто очень сложные, шумные и неэффективные машины. А он, Элиас, был машиной, которая научилась останавливать свой механизм. Он мог стоять в углу комнаты, и Артур забывал о его существовании. Он становился невидимым.

Но в глубине его «процессора», в тех самых поврежденных височных долях, зрела ошибка. Логическая петля.

Если мир — это грязь, а люди — шум.

Если отец — это боль, а тишина — это спасение.

То как заставить мир замолчать навсегда?

Часть II: Исправление.

Глава 5: Девочка, которая смеялась слишком громко.

Элиасу было семнадцать. Зима в Норт-Йоркшире выдалась бесснежной.Туман висел над торфяниками неделями, превращая день в вечные сумерки.

Артур начал сдавать. Его руки, когда-то твердые,теперь тряслись. Отец стал громким. Он больше не практиковал «Дни Пепла», теперь он орал постоянно, потому что страх перед старостью и бесполезностью сжигал его изнутри. Для Элиаса этот шум был невыносим. Его мозг, воспринимал крик отца как физическую атаку, разрывающую барабанные перепонки.

В деревню приехала новая семья. Мистер и миссис Хилл. Он — инженер из Лидса, она — домохозяйка. И их дочь, Имоджен.

Элиас увидел её впервые в местной лавке «The Drovers», куда зашел купить йод для отца (Артур снова поранился, чиня забор).

Имоджен стояла у прилавка. Ей было примерно пятнадцать. На ней была ярко-желтая куртка, которая выглядела в этом сером магазине как инородное тело.

Но Элиаса поразило не это.

Она смеялась.

Она смеялась над шуткой старика Бертрама, продавца, и этот звук... Этот звук был *неправильным*.

В акустике торфяников, в акустике мира Элиаса, люди говорили либо тихо,либо

громко. Смех Имоджен был полнозвучным, свободным, резонирующим. Он не был зажат.

Для Элиаса этот смех был звуком неисправного механизма. Как скрип несмазанной петли.

Он замер у полки с консервами. Его взгляд стал тем самым взглядом «прозрачного» мальчика. Он смотрел не на лицо Имоджен, а на её гортань. На то, как вибрирует её кадык, производя этот... шум.

— Элиас? — голос Бертрама вырвал его из транса. — Ты в порядке, сынок?

Имоджен обернулась. Её глаза, зеленые и любопытные, встретились с его глазами, бледно-серыми, как зимнее небо.

Большинство людей, встретив взгляд Элиаса, чувствовали холод и отводили глаза.

Имоджен же, приняла это за приглашение.

— Привет, — сказала она. — Ты выглядишь так, будто увидел привидение. Здесь они, говорят, по торфяникам бродят?

Она улыбнулась. Элиас зафиксировал всё:один передний зуб немного наезжает на другой, ямочка на левой щеке, микроскопическая родинка у носа.

Он не ответил. Потому что не знал, что говорят в таких случаях. В его «Журнале Наблюдений» не было протокола на случай «Внезапной вежливости».

— Он не особо разговорчивый, — буркнул Бертрам, ставя на прилавок банку фасоли для Элиаса. — Весь в отца. Тот тоже как пень.

— Это невежливо, мистер Бертрам, — сказала Имоджен, но без злобы. Она смотрела на

Элиаса с искренним научным интересом, как на редкую птицу. — Меня зовут Имоджен. Мы приехали из Лидса. Тут, наверное, скучно, да?

Элиас молча положил деньги на прилавок. Его пальцы сдались в кулак. Он взял банку и вышел.

Но звук её смеха остался в его голове. Он застрял в голове, как рыболовный крючок.

Глава 6: Ярость

Вечером Артур был в ярости.Вероятно,из-за переизбытка алкоголя.

— Ты ни на что не годен! — ревел он, замахиваясь.

Элиас не «ушел» в себя, как обычно. Впервые за много это не сработало. Мозг был занят. Он обрабатывал «Ошибка: Имоджен».

Мальчик перехватил руку отца.

Артур замер. Сын смотрел на него немигающим взглядом. В глазах Элиаса не было ни капли страха.

— Ты слишком громкий, — с раздражением,сквозь зубы сказал Элиас.

Артур отшатнулся. Он увидел в сыне что-то чужое, что-то, что смотрело на него не как на отца, а как на сломанную деталь, которую пора сдать в утиль.

Ночью Элиас не спал. Он сидел у окна, выходящего на болота.Он думал лишь о том,как жить в этом мире,полном невыносимого шума

Отец кричит, потому что боится тишины.Имоджен смеется, потому что не знает страха.Смех Имоджен — это шум.Шум в этом мире причиняет боль.Если заставить Имоджен замолчать, шума станет меньше.

Глава 7:Охота

На следующий день был туман. Густой, как кипяченое молоко. Элиас знал торфяники лучше, чем линии на своих ладонях. Он знал, где земля твердая, а где — бездонная «мочажина», замаскированная мхом.

Он нашел её у старых руин аббатства.Девочка фотографировала лишайник на камнях. На ней была та же желтая куртка.

Она услышала хруст ветки и обернулась.

— О, это ты! Ты что, следишь за мной?

Элиас стоял в тумане. В трех метрах от неё видимость падала до нуля. Для неё он был просто фигурой. Для него она была ярким пятном в серой пустоте.

— Здесь опасно, — сказал Элиас. Его голос был ровным, без интонаций. — Туман. Можно упасть в топь.

— Я знаю дорогу, — фыркнула она, но в её голосе появилась нотка неуверенности.

— Ты местный гид?

— Я наблюдатель, — ответил Элиас.

Он сделал шаг вперед.

Имоджен инстинктивно отступила.

— Мне пора домой, — сказала она, пытаясь сохранить бодрость. — Мама будет искать.

— Твоя мать, — произнес Элиас. Он подошел еще ближе. — Она тоже громко смеется?

Имоджен развернулась, чтобы бежать. Но торфяник — это не асфальт. Её нога поскользнулась на мокром дерне. Она вскрикнула — коротко, высоко.

Для Элиаса этот крик был триггером.

Он оказался рядом мгновенно. Не потому, что бежал быстро, а потому что двигался экономно, как хищник.

Он не ударил её. Он просто встал вплотную, загораживая собой остатки света.

— Тише, — прошептал он ей на ухо. — Ты нарушаешь баланс.

Имоджен попыталась оттолкнуть его. Она была сильной. Но Элиас не боролся. Он просто «отключился». Его тело стало тяжелым и пассивным, как мешок с песком, но его руки действовали с точностью хирурга.

Он зажал ей рот ладонью.
Имоджен забилась. Её глаза, полные ужаса,

расширились.

Элиас смотрел на это отстраненно. Он чувствовал, как её паника передается через кожу — учащенный пульс, горячая слюна под его пальцами, дрожь диафрагмы.

Но вместо отвращения его мозг регистрировал *успех*.

Шум стихал.

Визг перешел в глухое мычание.Затем-в хрип.

В этот момент, когда жизнь покидала Имоджен, Элиас впервые в жизни почувствовал кристальный покой. Тишина, которая наступила в его голове, была прекраснее любой музыки.

Он разжал руки.
Тело Имоджен осело на мокрый мох. Лишь ее куртка ярким пятном выделялась на фоне

серого камня.

Элиас опустился на колени ,чтобы посмотреть на её лицо.
Оно было спокойным.
— Вот так правильно, — сказал он. — Теперь ты — часть тумана. Ты не шумишь.

Он посидел так еще десять минут, слушая, как бьется его собственное сердце — ровно и медленно. Затем он аккуратно расправил её куртку, прикрывая лицо от дождя.

Когда он уходил, туман начал сгущаться еще сильнее, стирая следы на земле.
Элиас шел домой, и в его голове впервые за долгие годы было пусто. Только тишина.

Глава 8:Чистый лист.

Дорога от руин аббатства до дома заняла двадцать минут. Он шел не торопясь, размеренным шагом. Тяжелые сапоги мерно чавкали по размокшему торфу.

Обычно мир вокруг него состоял из «шума»: скрип собственных суставов, свист ветра в проводах, далекий лай фермерской собаки, ощущение мокрой ткани на бедрах. Сейчас всё это исчезло.

Его мысли текли не линейно, а слоями, как геологические пласты торфяника.

Слой первый: Физиология (0–10 минут после события)

«Сердцебиение. 62 удара в минуту. Отклонение от нормы: 0%. Руки не трясутся. Температура кожи стабильна. У людей в учебниках биологии написано, что после лишения жизни другого человека должен выделяться адреналин. "Борьба или бегство". Но я не боролся. Я не бежал. Я просто... скорректировал переменную. Значит, выброса адреналина нет. Есть только ацетилхолин. Покой».

Он дотронулся до своих губ кончиком языка. Они были солеными. Он вспомнил вкус соли на её коже, когда зажимал ей рот. Это не вызвало у него отвращения. Вкус был химически чистым. Это был вкус *прекращения*.

Слой второй: Сенсорная депривация (10–20 минут)

«В ушах нет звона. Впервые с тех пор, как я упал с сарая, в левом ухе нет этого высокочастотного писка. Тиннитус исчез. Почему? Потому что Имоджен была... резонатором? Она излучала частоту, которая заставляла мой мозг вибрировать. Теперь источник вибрации удален. Среда стала инертной».

Туман вокруг него казался осязаемым. Элиас поднял руку и провел ладонью сквозь белую пелену. Раньше туман казался ему преградой, давящей массой. Сейчас он был просто отсутствием света. Идеальная пустота.

Слой третий: Логическая верификация (У ворот дома)

Элиас остановился у калитки. Он посмотрел на свои руки. На подушечках пальцев всё

еще оставался запах её крема — дешевый детский крем с ромашкой.

Он поднес пальцы к носу и глубоко вдохнул.

«Запах — это просто летучие молекулы. Ромашка не может быть "грустной" или "испуганной". Это просто химия. Люди глупы, они приписывают молекулам моральные качества».

Он вошел в дом.

Артур сидел в кресле перед телевизором. Экран рябил белым шумом, потому что антенна снова упала. Артур спал, приоткрыв рот. Из его горла вырывался громкий храп.

Элиас посмотрел на отца. Раньше этот звук вызывал в нем раздражение.

«Он всё еще производит шум. Он неисправен. Но он мой создатель. Я не могу

его утилизировать, пока не найду запчасти для себя самого. Я — деталь, сделанная из дефектной детали».

Слой четвертый: Экзистенциальный сдвиг (В своей комнате)

Элиас снял мокрую куртку.И аккуратно повесил её на крючок.

Он сел на край кровати и посмотрел на свои ладони.

В книгах, которые он тайком брал в библиотеке (психиатрия, судебная медицина), писали, что убийцы чувствуют «могущество» или «грех».

Элиас не чувствовал ни того, ни другого.

Он чувствовал *точность*.

«Я изменил состояние материи. Имоджен Хилл была открытой системой,

обменивающейся энергией с окружающей средой (смех, дыхание, тепло). Теперь она — закрытая система. Термодинамика соблюдена. Я не нарушил закон. Я просто ускорил энтропию в локальной точке пространства».

Он встал и подошел к окну. Туман окутывал их дом, скрывая его от деревни.

Элиас впервые в жизни осознал границы своего тела. Он почувствовал, где заканчивается его кожа и начинается воздух. Это было странное, почти сексуальное ощущение целостности.

«Я — это я. Я не Артур. Я не глина. Я — тот, кто нажимает на кнопку "Mute". Я — тишина, которая обрела плоть.

Его взгляд упал на школьный рюкзак в углу. Завтра понедельник. Завтра нужно идти в

колледж.

Элиас подумал о том, как войдет в класс. Как он посмотрит на пустую парту Имоджен Хилл.

Он знал, что лица людей исказятся «скорбью».

Он попытался представить «скорбь». Это казалось ему сложным алгоритмом.

Зачем грустить о том, что шум прекратился? Это нелогично.

Элиас лег на кровать, не снимая сырой свитер. Он приятно холодил кожу.

Он закрыл глаза.

В его голове горела одна мысль:

«Первая попытка прошла успешно. Система стабильна. Теперь нужно понять, как долго держится эффект. Если тишина начнет

распадаться... мне придется найти еще один источник шума. Но в следующий раз я буду действовать быстрее. Мое "Исправление" должно быть изящным».

Он уснул через три минуты.

Спал он глубоко, без снов, как выключенный компьютер.

За стеной Артур проснулся от собственного храпа.Он посмотрел на стену, за которой спал сын, и поежился. Ему на секунду показалось, что из-под двери комнаты Элиаса тянет не сыростью торфяника, а холодом морга.

Конец Главы 8.

Часть III: Эффект наблюдателя

Глава 9: Понедельник.

Утро в Норт-Йоркшире после убийства выглядело точно так же, как утро до него. Это было главным открытием Элиаса. Мир не треснул. Небо не упало. Птицы не перестали петь.

Закон сохранения энергии работал безупречно: исчезновение массы Имоджен Хилл никак не повлияло на гравитацию.

Элиас стоял на остановке, ожидая школьный автобус. Он был одет в идеально чистую, выглаженную рубашку. Ветер трепал её, но Элиас не чувствовал холода. Его терморегуляция работала иначе.

Автобус остановился. Двери с шипением разъехались.

Глава 10: Аудитория 4-В.

Колледж Фэрфилда был старым зданием из красного кирпича. Элиас вошел в главный холл ровно в 08:45.

Он сразу зафиксировал аномалию.

Обычно акустика холла состояла из 147 разрозненных звуковых дорожек: шарканье кроссовок, смех, хлопанье шкафчиков, крики младшеклассников.

Сегодня дорожек было 146.

Вместо смеха висела густая, вязкая субстанция, которую люди называли «Шепотом».

— ...говорят, в одежде нашли мох...
— ...торфяники забрали её...
— ...видели желтый рукав...

Он не прислушивался специально. Его мозг сканировал частоты. Он шел к своей аудитории 4-В, и коридор расступался перед ним.Люди физически не замечали его, взгляд соскальзывал с его лица, как вода с воска.

В аудитории 4-В пахло напряжением.

Когда Элиас вошел, двадцать три головы повернулись к нему. Кожей он ощутил физическое давление чужого внимания.

— Мистер Фоули, — голос учителя физики, мистера Дэвиса, дрогнул. — Садитесь.

Элиас сел за свою третью парту.

Справа от него было место Имоджен.

Оно было пустым. На столешнице остались следы ручки — вензеля и цветочки, которые она чертила, когда становилось скучно.

В не возникло образа её лица.

«Объект Имоджен больше не генерирует данные.»

Глава 11: Социологический эксперимент

Урок физики. Тема: «Законы Ньютона».
Мистер Дэвис пытался вести занятие, но его голос срывался. Он был другом семьи Хилл.

— Сила действия равна силе противодействия, — бормотал он, рисуя на доске векторную диаграмму.

Элиас поднял руку.

В классе наступила тишина. Все ждали, что он скажет.

— Сэр, — голос Элиаса был лишен всяких эмоций, ровный и тихий, но в этой тишине он прозвучал как выстрел. — Если объект перестает существовать, прекращает ли действовать сила, которую он оказывал на другие объекты?

Мистер Дэвис замер с мелом в руке.
— Что... что ты имеешь в виду, Элиас?

— Имоджен, — Элиас кивнул на пустую парту. — Она создавала шум. Тепло.Согласно первому закону термодинамики, энергия не исчезает. Куда делось её тепло, сэр? Оно всё еще в этой комнате? Если я закрою дверь, станет ли здесь на 0,001 градуса теплее из-за остаточного тепла Имоджен?

По классу прошелестел вздох. Кто-то из девочек тихо заплакал.

Но Элиас не смотрел на них. Он смотрел на учителя, ожидая ответа на физическую задачу.

— Элиас, выйди, — прохрипел Дэвис. — Немедленно.

Он собрал свои вещи. Проходя мимо парты Имоджен,остановился,опустил руку. И аккуратно, одним движением будто стер её рисунки со стола.

Затем вышел из класса, и дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Глава 12: Кабинет директора.

Элиас сидел в приемной и смотрел на свое отражение в темном экране выключенного монитора.

Лицо было бледным. Под глазами легкая тень.

Но глаза...

В глазах не было вины.

Вина — это социальная конструкция, страх перед наказанием группы. Он никогда не принадлежал к группе.

Там было нечто гораздо более пугающее: *праздничная пустота*.

В кабинет его вызвали через час.

Директриса, миссис Картер, женщина с лицом, похожим на печеное яблоко, к удивлению,не подышала голос.

— Элиас, — сказала она, сцепив руки. — Мы все... скорбим. В школе есть психолог. Тебе

нужно поговорить с ним.

Элиас наклонил голову. Этот жест обычно вызывал у людей доверие.
— Мэм, — сказал он. — Все в порядке,мне не нужен психолог.Я просто не выспался.

Миссис Картер поежилась.

— Твой отец едет сюда. Мы решили, что будет лучше, если ты поедешь домой. На сегодня. И, возможно, на завтра. Нам нужно... разобраться.

— Разобраться? — Элиас впервые проявил интерес. — В чем именно вы собираетесь разбираться?

Он встал.

— Я могу идти? Автобус уходит через двенадцать минут. Если я задержусь, мне

придется идти пешком. А после дождя на тропах опасно.

Он вышел, оставив директрису в состоянии когнитивного диссонанса.Сейчас подросток выглядел как инопланетянин, который случайно оказался на уроке физики и теперь вежливо просит высадить его на родной планете.

Глава 13: Обратная дорога

В автобусе он сел на заднее сиденье,глядя в окно. Мимо проплывали те самые пустоши. Где-то там, под слоем мха и воды, лежала Имоджен.

Элиас прижал лоб к холодному стеклу.
Он думал не о ней.
Он думал о том, что сегодня в колледже

впервые почувствовал себя *видимым*.
Все смотрели на него. Шепот был о нем.

Это было... приятно.

Автобус доехал за сорок минут.

Отец открыл дверь,глядя на лицо сына и не увидел ничего.

— Они отпустили тебя? — буркнул отец.

— Я оптимизировал процесс, — ответил Элиас, проходя в дом и вешая куртку. — Школа — это неэффективная трата времени. Сегодня я сэкономил 6 часов.

Он прошел в свою комнату, закрыл дверь и достал из тайника под половицей ту самую жестяную коробку из-под печенья.

Теперь она была пуста.

Он улыбнулся.

Первый этап «Исправления» завершен.
Тишина установлена.
Осталось только поддерживать её.

Часть III (продолжение)

Глава 14: Мох

Войдя в свою комнату, Элиас не запер дверь на ключ,чтобы не привлекать внимание Артура.Он просто прикрыл дверь, оставив щель в два сантиметра, что визуально выглядело как небрежность, но позволяло ему слышать все,что делает отец.

Первым делом мальчик снял школьную форму. Он подошел к старому шкафу и аккуратно повесил рубашку на плечики, разгладив складку на рукаве.

«Одежда — это униформа социальной

функции. Функция "школьник" временно приостановлена. Одежда должна храниться в состоянии готовности».

Затем он подошел к своему рабочему столу и открыл нижний ящик.Внутри, среди старых тетрадей по математике, лежал предмет, который не должен был там находиться: совре-

менный цифровой диктофон с USB-разъемом, купленный им месяц назад на сэкономленные от школьных обедов деньги.

Элиас положил руки на стол, ладонями вниз, и закрыл глаза. Он начал процесс, который классифицировал как «Декомпрессия и Архивация».

Этап 1: Очистка кэша (Аутопсия памяти)
Он не вспоминал Имоджен как человека,а прогонял запись события через свой

внутренний процессор, анализируя ошибки.

«Время контакта: 04:12 – 04:18. Ошибка №1: Слишком долго. Риск гипотермии исполнителя. Исправить: сократить до 03:00. Ошибка №2: Желтая куртка. Высокая визуальная сигнатура. Оставлена на теле. Исправить: темные цвета, поглощающие спектр. Ошибка №3: Запах. Ромашковый крем. Остаточный запах на манжетах. Исправить: перчатки или предварительная обработка рук спиртом».

Этап 2: Активация

Элиас взял диктофон,нажимая кнопку записи. Свой голос он не считал «шумом», так как сам контролировал его тембр.

— Журнал. Объект 1. Имоджен Хилл. Статус: Нейтрализована.

Пауза. Он прислушался к дому. Артур налил

себе виски. Стекло звякнуло (частота 440 Гц — нота «ля», раздражающая).

— Цель проекта: Снижение акустического загрязнения среды обитания до 0.0 децибел.

Имоджен была тестовым образцом. Испытание среды на разрыв. Среда выдержала. Общество продемонстрировало предсказуемую реакцию: панику, шум, привлечение внимания. Это доказывает, что общество — это нестабильная система, требующая постоянного внешнего контроля.

Следующий шаг: переход от реактивной нейтрализации к проактивному управлению.

Он остановил запись. Подумал. И стер её.

Слова были опасны. Если его поймают, диктофон станет доказательством умысла (Premeditation). Элиас не хотел в тюрьму. Тюрьма — это место, где шум никогда не прекращается.

Этап 3: Сбор образцов.

Элиас встал. Подошел к рюкзаку. Достал оттуда пластиковый контейнер для завтраков.Внутри, на влажной салфетке, лежал небольшой комок торфяного мха.

Элиас взял его пинцетом и поднес к свету.

Мох был живым.*«Она стала частью ландшафта. Торф консервирует. Она не гниет. Она мумифицируется. Это эффективно».*

Он достал из ящика стола папку. На первой странице был аккуратно приклеен другой кусок мха, взятый им с того места, где он нашел мертвого ягненка два года назад.

Теперь рядом, на второй странице появился образец.

Элиас подписал его : *«Sphagnum. Locus:*

Ruins. Sample: Post-Correction».
Отличный способ сохранить объект как биологический факт.

Этап 4: Моделирование
Элиас открыл тетрадь по высшей математике. Он не делал домашнее задание. Он рисовал графики.

Ось X: Время.

Ось Y: Уровень тревоги в деревне (измеряется в количестве миганий фонарей, частоте сирен, плотности сплетен у магазина).

Он вычислял параболу затухания.

«Сегодня — пик. Завтра — спад. Через 72 часа Имоджен станет статистической погрешностью. Через 168 часов — локальной легендой, как собака, утонувшая в болоте в 1982-м. Это фаза распада. Моя задача — не

допустить фазы "Мученик"».

Он начал составлять список. Список потенциальных «переменных», которые могли создать шум в будущем.

Этап 5: Внешняя оболочка (Социальная мимикрия)

Внизу хлопнула дверь. Артур вышел во двор, вероятно, к дровяному сараю.

Элиас знал: у него есть 12 минут.

Он подошел к зеркалу, висевшему на внутренней стороне двери.
Посмотрел на свое лицо.
Провел рукой по волосам, приглаживая их.
Затем он сделал нечто странное: он заставил мышцы своего лица двигаться.
Он улыбнулся.
Это была не улыбка радости. Это была имитация. Сложная функция сокращения

лицевых нервов. Улыбка, которую люди называют «милой» или «немного смущенной».

Он репетировал её перед зеркалом, пока она не стала выглядеть почти естественной.

«Завтра. Они будут ждать скорби. Если я дам им скорбь, они увидят фальшь. Если я дам им пустоту, они испугаются. Я дам им "Ошеломление". Это социально приемлемая реакция для "странных" мальчиков».

Он услышал тяжелые шаги Артура на лестнице и мгновенно стер с лица всякое выражение.

Он снова стал прозрачным.

Дверь его комнаты приоткрылась. Артур стоял на пороге, тяжело дыша парами виски.

— Обед через десять минут, — буркнул он.

— Да, отец, — ответил Элиас, не поднимая глаз от книги.Голос звучал ровно.

Артур хмыкнул и закрыл дверь.
Он подождал, пока шаги отца не удалятся в сторону кухни.
Затем он посмотрел в окно, на серые пустоши.

План был готов.

Тест пройден.

Система работала.

И самое страшное было в том, что Элиас чувствовал себя не чудовищем, а человеком, который впервые в жизни сделал всё *правильно*.

Глава 15: Эстетика

Элиас отошел от окна. Холод стекла, казалось, впитался в лоб и теперь медленно остужал кипящие шестеренки его мыслей. Он сел за стол, включил тусклую настольную лампу. Желтый свет выхватил из полумрака его руки — тонкие, с длинными пальцами, сейчас спокойно лежащие на столешнице.

Первый проект был ликвидацией. Это была работа ассенизатора. Грязно, поспешно, с нарушением санитарных норм (желтая куртка, оставленный мох). Но она дала бесценные данные.

«Вывод №1: Устранение источника шума дает лишь временное облегчение. Вакуум заполняется эхом. Слезами учителей,

шепотом соседей, дрожью отца. Шум Имоджен сменился шумом её отсутствия. Это неэффективно».

Элиас взял чистый лист и начертил таблицу.

Параметр

Объект 1 (Имоджен)
Цель (Объект 2)

Тип шума
Высокочастотный, хаотичный (смех, визг).
Низкочастотный, ритмичный.

Визуальный профиль
Яркий (желтый). Агрессивный для сетчатки.
Приглушенный. Натуральные ткани.

Реакция среды
Паника, полиция, резонанс.
Растворение, игнорирование.

Метод
Изоляция (удушение). Удаление.
Интеграция. Трансформация.

Идея «Трансформации» захватила его.

«Имоджен была фальшивой нотой, которая резала слух. Но что, если в мире есть... фальшивые мелодии? Люди, которые притворяются тихими, но внутри них гнием громкий,

грязный звук? А если я найду такого человека? Не просто удалю его, а... сниму с него кожу. Не в медицинском смысле. В социальном. Снять маску».

Он думал о красоте.

Имоджен была обычной. Симметричное лицо, стандартная улыбка. В ней не было ничего, что заставило бы его *созерцать*. Убийство её было механическим, как починка протекающей трубы.

«Я хочу взять объект, который излучает ложь. Например, агрессию, замаскированную под доброту. Или страх, замаскированный под силу. Я хочу вскрыть этот механизм. Самый громкий звук, на который способно человеческое существо — это звук распада его эго».

Глава 16: Поиск субъекта

Его мозг работал как сонар.

Он перебирал лица из колледжа.

«Мистер Дэвис? Слишком просто. Он уже распадается».

«Констебль Бреннан? Слишком опасно. Он защищен системой».

Его мысли вернулись в коридор колледжа. К тем, кто остался.
И тут он вспомнил.
Лидия Прайс.

Лидия была королевой драмы их потока. Лидия была «темной». Она носила только черное, красила губы фиолетовым и писала стихи о смерти. Она презирала «серую массу».

Помнится, на прошлой неделе видел её за старым амбаром. Она не была грустной. Она с силой, методично, каблуком тяжелого ботинка давила гнездо полевых мышей. Одно за другим. Хруст костей под её подошвой был ритмичным. Она улыбалась, когда делала это.

«Бинго».

«Лидия Прайс. Тип: Скрытый садист. Внешний профиль: Эстетизированная тьма. Она думает, что она — тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.